

Фольклористика

УДК 398 + 81-139 + 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/73/1

Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия

Л. С. Дампилова, И. В. Силантьев, И. Е. Ким
Е. Н. Кузьмина, Ю. В. Шатин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Обсуждаются вопросы общего описания вербальной культуры, репрезентируемой на уровнях фольклора, литературы и языка. Вербальная культура понимается, с одной стороны, как часть общей этнической культуры, включающая в себя язык и основанные на нем формы словесности, и, с другой стороны, как воспроизводимый компонент общественно-языковой практики. Таким образом, вербальная культура имеет глубину и содержит не менее трех пластов: язык, фольклор и литературу. Кроме того, в вербальной культуре важен этнотерриториальный (антропологический и географический), «плоскостной» аспект, а именно распределение этнических вербальных культур территориально, а также их генетические и типологические связи. На основе антропологических теорий культурных универсалий, переосмысленных в рамках идей лингвистики (в частности, этнолингвистических представлений), фольклористики и литературоведения, в статье предложены критерии для формирования круга культурных универсалий, релевантного для сопоставительного изучения различных вербальных традиций (языка, фольклора, литературы) разных этносов.

В приложении представлен рабочий перечень культурных универсалий, включающий два аспекта: понятийные ряды, образующие «план содержания» культурных универсалий, и культурные коды, представляющие типизированный «план выражения» универсалий в их натурфактной, артефактной и акциональной составляющих.

Ключевые слова

вербальная культура, культурные универсалии, вербальная традиция, концепт, культурный код, мотив, сюжет, мифологема

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Дампилова Л. С., Силантьев И. В., Ким И. Е., Кузьмина Е. Н., Шатин Ю. В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9–28. DOI 10.17223/18137083/73/1

© Л. С. Дампилова, И. В. Силантьев, И. Е. Ким, Е. Н. Кузьмина, Ю. В. Шатин, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

Universals of verbal culture: in search of a common concept

L. S. Dampilova, I. V. Silantiev, I. E. Kim
E. N. Kuzmina, Yu. V. Shatin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with developing a theory of verbal culture, represented at the levels of folklore, literature, and language. On the one hand, we understand verbal culture as a part of general ethnic culture, including language and forms of literature based on it, and, on the other hand, as a reproducible component of social and linguistic practice. Thus, verbal culture has a depth and includes at least three layers: language, folklore, and literature. Also, verbal culture includes the ethno-territorial (anthropological and geographical), “plane” aspect, namely, the distribution of ethnic verbal cultures geographically, as well as their genetic and typological relations. On the basis of anthropological theories of cultural universals, reinterpreted within the framework of the ideas of linguistics (in particular, ethnolinguistic representations), folklore and literary studies, a system of criteria has been developed for the formation of a set of cultural universals relevant for the comparative study of different verbal traditions (language, folklore, literature) of different ethnic groups. The Appendix presents a list of cultural universals, including two aspects: the conceptual series that form the “plane of content” of cultural universals and cultural codes that represent the typed “plane of expression,” universals in their natural, artifact and actional components. Not only will the research results in various subject areas allow clarifying the “flat” (ethnogeographic) and “deep” (on the language, folklore, and literary layers) distribution and configuration of universals, but also to define the original model itself.

Keywords

verbal culture, cultural universals, verbal tradition, concept, cultural code, motive, plot, mythologeme

Acknowledgements

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Dampilova L. S., Silantiev I. V., Kim I. E., Kuzmina E. N., Shatin Yu. V. Universals of verbal culture: in search of a common concept. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 9–28. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/1

Большое исследование культурных универсалий вербальных традиций Сибири и Дальнего Востока, которое проводится в Институте филологии СО РАН, поставило перед коллективом, выполняющим это исследование, вопрос об общей модели вербальной культуры, учитывающей, с одной стороны, взаимодействие фольклора, литературы и языка в рамках словесности одного этноса, с другой стороны, инвариантную или прототипическую культурную составляющую вербальных традиций разных этносов. Основная задача в рамках этой цели – создание рабочей модели вербальной культуры, объединяющей язык, фольклор и литературу одной этнической общности, а также формирование круга культурных

универсалий, позволяющего сопоставить разные вербальные культуры как по своей форме (язык, фольклор, литература), так и по этнотерриториальному признаку.

Тема культуры, культурных универсалий, этнических констант давно разрабатывается в философии, психологии, культурологии и по сравнению с этими науками относительно недавно в этнопсихологии. Накоплена обширнейшая литература, особенно в западноевропейской философии и антропологии. Так, с 1871 по 1919 г. было сформулировано 7 новых дефиниций культуры; к началу 1950-х гг. цифра составила 157; в 1964 г. уже насчиталось более 250 определений [Кребер, 2004; Кребер, Клакхон, 2000]. Список культурных универсалий на основе кросс-культурных исследований в социальной и культурной антропологии был составлен Дж. Мёрдоком (обсуждение проблемы универсалий см., например, в [Мёрдок, 1995; 2015]) и включает в себя несколько десятков единиц. Эти универсалии имеют характер феноменов и принципов социального поведения, а также социальных институтов: изготовление орудий труда, украшение тела, образование и т. п. Такого типа универсалии не вполне годятся для описания вербальных культур.

В рамках филологических наук развиваются самостоятельные теории, описывающие феномены, которые претендуют на универсальность. Потребность в таких феноменах возникает, когда ставится задача описания языков, фольклора, литературы, других филологических практик в масштабе всего человечества независимо от территориальных, этносоциальных и временных рамок и границ.

В лингвистике существует понятие языковой универсалии, которое сформировано в рамках лингвистической типологии (см., например, [Новое в лингвистике, 1970; Вежицкая, 2011] и др.). Разнообразие подходов к понятию универсалии (структурно-типологического, квантитативного и др.) обусловлено не только предметной, но и теоретическими установками исследователей и исследовательских направлений.

В теории литературы и фольклористике продолжает развиваться теория сюжета и мотива (см. [Веселовский, 1989; Мелетинский, 1995; Силантьев, 2004; Тюпа, 1996; 2002] и др.). Понятие мотива позволяет выявить устойчиво повторяющиеся содержательные элементы художественного текста, объединяющие произведения одного автора, одной художественной школы, одной эпохи и т. п.

Для повествовательного фольклора важно понятие типических, или общих, мест (*loci communes*) (см. [Ухов, 1957; Кузьмина, 2005] и др.). «По своей сути они представляют собой интертекстуальные повторы, переходящие из одного сказания в другое. Благодаря этому “общие места” сохранили свою устойчивость и явились хорошим сюжетобразующим фактором» [Кузьмина, 2005, с. 5].

Однако теоретические построения такого рода также оказываются не вполне применимы к культурной составляющей вербальных практик, поскольку актуализируют предметную специфику филологических дисциплин. Выход филологических наук в область культуры оказывается сопряжен с двумя разными стратегиями: 1) с самостоятельными этнокультурными построениями; 2) с взаимодействием и обращением к смежным областям знания, ориентированным на изучение культуры. Приведем примеры.

Первая стратегия характерна для некоторых лингвистов. Один из способов описания заимствован у лингвистики и использует семантические оппозиции, которым придается этнокультурный характер. В данном случае речь идет о работах Ш. Балли, который описал территориально-географическое распределение

наиболее значительных европейских культур второй половины XIX – первой половины XX в. (британской, французской, немецкой и русской) с запада на восток как оппозицию аналитизма и импрессионизма. По Ш. Балли, аналитизм есть тенденция описывать явления мира с акцентом на их структуре, внутренней устроенности, а импрессионизм – это взгляд на мир, при котором явления описываются в их целостности, единстве. С запада на восток аналитизм, имея максимум в британской этнокультуре, ослабляется, а импрессионизм нарастает и достигает максимума в русской культуре [Балли, 2003]. Замечательно, что эти две доминанты охватывают культуру во всех проявлениях от языка до науки и философии (подробнее см. [Ермаков и др., 2004, с. 16–17]).

Интересно, что у Ш. Балли «мир культуры» на востоке ограничивается Россией, но ведь за ее пределами существует азиатский Восток. Да и сама Россия оказывается в этнокультурном плане неоднородна. На ее территории и во времена Ш. Балли, и в настоящее время существовало и существует большое этническое разнообразие, в котором важное место занимают народы и этнические культуры Сибири и русского Дальнего Востока.

Второй путь можно показать на примере Н. И. и С. М. Толстых, сформировавших собственное направление этнолингвистики (см., например: [Толстой, 1995; Толстая, 2015]), основанное на собственном научном опыте лингвистов, фольклористов и этнографов. Во многом это связано с особой предметностью, сформированной в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (сейчас Институт славяноведения РАН). Тематика исследований этого института определялась этногеографически, а не научно-предметно, что потенциально предполагало широкую предметную специализацию его сотрудников. Опора на изучение материальной и духовной культуры, фольклора славян, а также на изучение славянских языков в широкой перспективе позволило Н. И. и С. М. Толстым заняться реконструкцией менталитета славян. С точки зрения С. М. Толстой, «этнолингвистика – это не лингвистика, не этнография, не фольклористика, не мифология, хотя она изучает те же объекты, что и эти дисциплины, но у нее есть свой “интерес”, свои задачи и свои методы; ее интересуют лишь некоторые, обращенные к плану содержания, к миру и человеку, аспекты языка; лишь некоторые, отражающие архаическую “картину мира” и систему ценностей, стороны обрядов и верований; лишь некоторые, преимущественно “мировоззренческие” и символические, составляющие фольклорных текстов; не все аспекты мифов и т. д.» [Толстая, 2015. С. 15–16]. Как видим, интерес к русской и славянской культуре, а также предметный исследовательский опыт Н. И. и С. М. Толстых позволил им сформировать самостоятельное направление изучения культуры, вписанное в систему научной предметности и отражающее не только их исследовательский интерес, но и исследовательский опыт. Важным итогом работы С. М. Толстой и ее коллег в этом направлении стал этнолингвистический словарь «Славянские древности» [1995; 1999; 2004; 2009; 2012].

В филологических науках существуют и теоретические конструкты, которые могут претендовать на статус культурных универсалий. Однако состав таких универсалий также оказывается зависим от специфики предмета изучаемой дисциплины. В лингвистике сформирована теория концепта, в наиболее отчетливом виде реализованная в работах Ю. С. Степанова [2004] (ср. также [Логический анализ языка, 1991; Демьянков, 2001] и др.); в этнолингвистике и фольклористике, применительно к обрядовому фольклору, – теория культурных кодов [Толстая, 1988] (см. также [Морозова и др., 2010; Ойроткинова, 2012; Юша, 2018] и др.); в теории

литературы – теория сюжета и мотива [Веселовский, 1989; Мелетинский, 1995; Тюпа, 1996; Тюпа, Ромодановская, 1996; Силантьев, 2004]. Возникает необходимость объединяющего понятия, способного надстроиться над филологической предметностью.

В таком случае важно сформировать общее представление о вербальной культуре, которая как относительно стабильная структура должна соотноситься с более динамичной вербальной практикой. На роль термина для последней претендует понятие словесности. Поясним эту мысль.

Словесность народов с давней письменной традицией и младописьменных народов включает три важных составляющих: язык, фольклор и литературу. Традиционно это три разные предметности, изучаемые тремя разными научными дисциплинами: лингвистикой, фольклористикой и литературоведением. Целостное их исследование возможно при формировании такого угла зрения, который позволил бы объединить их в рамках общего понятийного пространства. Таким понятийным пространством является вербальная практика (словесность в ее динамическом аспекте), внутри которой можно говорить о вербальной культуре, а в рамках традиционных культур – о вербальных традициях. Разные вербальные традиции могут быть обобщены и систематизированы через понятие культурной универсалии, которая пронизывает самые разные культуры.

В этом контексте требуют теоретического осмысления два круга представлений, связывающих язык, фольклор и литературу в рамках единой вербальной культуры этноса.

Первый круг связан с общим понятием культуры в понимании социальной и культурной антропологии как совокупности неприродных форм и институтов воспроизводства человеческого общества (инструментальный взгляд) и в обыденном понимании, отражаемом в словарях как «совокупности достижений людей во всех сферах жизни» [Степанов, 2004, с. 12]. В этом понимании и язык, и фольклор, и литература являются инструментами или формами человеческой коммуникации и человеческого познания, т. е. обеспечивают взаимодействие людей в обществе, передачу личного и общественного опыта, воспроизводства жизненного ресурса человека в их эстетической функции, «картину мира» этноса и, шире, человечества. Как коммуникативная система язык оказывается более сложным и в плане структурной, и в плане семантической организации, чем необходимо для обеспечения актуального взаимодействия людей в их практической жизни. Он представляет собой моделирующую систему, представляющую так называемую языковую картину мира (такого рода исследования были популярны в середине 80-х – начале 90-х гг. XX в.), атомарной единицей которой был назван культурный концепт (позднее просто концепт) – этноспецифичная понятийная единица, как правило, репрезентируемая, помимо прочих культурных феноменов, лексической единицей. Моделирующий потенциал произведений фольклора и литературы также описан и составляет одно из направлений в изучении этих видов словесной культуры.

Второй круг понятий связан с представлением о словесности, сформированном в общей филологии, в рамках которой единая словесность представляет собой общественно-языковую практику, более узко понимаемую как обращение текстов [Рождественский, 1979]. В системе общественно-языковой практики язык, литература и фольклор уже вписаны в единую словесность. Однако место каждой из вербальных практик в общей системе разное: язык представляет собой универсальный базовый код для создания текстов, репрезентируемый одной из четырех

фактур речи: устной, письменной, печатной или электронной (массовой коммуникацией). Фольклор существует как система устойчивых на протяжении многих поколений текстов устного бытования и организованных с их использованием воспроизводимых устных практик, носящих организующую, художественно-эстетическую, аккумулятивную (накопления и передачи знания) и др. функции. Таким образом, фольклор связан с устной фактурой речи и важнейшую роль играет в дописьменной и младописьменной культуре. Художественная литература как вид словесности связана с письменной и в еще большей степени с печатной фактурой речи и предполагает высокий уровень цивилизации и социальной дифференциации. Таким образом, художественная литература, продолжая фольклорные традиции, переходит в другую систему обращения текстов – печатную¹.

Каждая из практик имеет длительную традицию научного изучения, сформировавшийся понятийный аппарат, имеющий пересечения с кругом представлений в других дисциплинах, но в силу разделения предметностей специфичный. Это ставит проблему сквозных научных понятий, способных преодолеть предметные различия.

Вербальная культура (в форме воспроизводимой устной коммуникативной практики – вербальная традиция) понимается, с одной стороны, как часть общей культуры этноса, основанная на использовании языка – вербальной (универсальной по сфере деятельности, но специализированной по способу кодирования смысла в знаке) системы, и, с другой стороны, как воспроизводимый компонент общественно-языковой практики, включающий в себя форму и содержание грамматических структур и лексики языка, текстов и практики фольклора, литературных текстов в их бытовании и взаимодействии с языком и фольклором. Соотношение культуры и практики чрезвычайно важно в понимании языка, фольклора и художественной литературы как форм культуры. Каждая из этих форм обладает собственным механизмом воспроизводимости, что позволяет им обладать устойчивым существованием (даже в устной фактуре), но при этом быть еще и механизмом воспроизводства общества и общественных отношений. Знаковая (вербальная) природа этих форм культуры задает для их существования наличие по крайней мере двух составляющих – материального воплощения (формы) и смысла (содержания).

С другой стороны, теоретическая модель вербальной культуры включает в себя этнотерриториальное разделение и распределение конкретных вербальных культур, которые могут изучаться не только в своей индивидуальности, но и в широком сопоставлении.

Таким образом, вербальная культура представляет собой целостное образование, имеющее три пласта «глубины»: язык, фольклор и художественную литературу, а также этнотерриториальное положение, связывающее ее с соседними культурами (территориальный аспект), генетически и типологически близкими культурами (этноструктурный аспект).

Предметная специфика трех форм вербальной культуры предполагает более сложное структурирование универсалий, а также неоднородность сущности универсалий применительно к разным формам вербальной культуры.

¹ На современном этапе развития фольклора можно видеть, как всё большее число фольклорных произведений (эпоса, сказок, песен, заговоров, образцов несказочной прозы) получают печатный вид и тем самым обретают «второе дыхание».

Главная особенность, объединяющая все три формы, – изначальная знаковая природа. Обращаясь к феноменам иных форм той же этнической культуры, мы обнаруживаем активную семантизацию реалий [Толстая, 2015, с. 31]. Реалия как культурный предмет наделяется смыслом. В культурной антропологии существуют приемы выявления этих смыслов, особенно если мы имеем дело с традиционными культурами. Изначальная семантичность единиц вербальных культур дает возможность непосредственного отражения фрагмента мира, но при этом возникает возможность и более сложного отражения, например, факта материальной культуры в сочетании с его утилитарным и этнокультурным смыслом. Так развиваются коннотативные значения языковых единиц и на их базе некоторые переносные значения. Но еще больше возможностей такого вторичного означивания дают фольклор и литература, которые способны отражать не только «кирпичики» мироздания, но и сложные ситуации и положения дел и даже цепи событий на длительном промежутке времени. Таким образом, вербальные формы культуры способны к разным способам отражения системы представлений этноса – прямо, через смысл единиц этих форм, и косвенно, через отражение реалий, процедур и институтов невербальных форм культуры в своей семантике.

Различия между рассматриваемыми формами вербальных культур заключаются в следующем.

Язык как базовая вербальная форма, элементарный код, связан с высокой степенью атомизации понятийного круга универсалий. Для его описания удобно понятие культурных концептов или констант (см. [Логический анализ языка, 1991; Демьянков, 2001; Степанов, 2004; Вежбицкая, 2011] и др.).

Обрядовый фольклор тесно связан с предметно-акциональной стороной обряда, и для него удобно представление о «культурном коде» (см. [Толстая, 1988; Морозова и др., 2010; Ойроткина, 2012; 2016; Юша, 2018; 2019] и др.). Под культурным кодом понимается совокупность устойчивых символов и знаков, объединенных внутренней структурой и семантикой, обладающих определенным содержанием, проявляющимся в различных элементах народной культуры, особо значимых для определенного этноса.

Повествовательный фольклор и художественная литература в ее повествовательных жанрах оперируют понятиями мотива и сюжета, в которых важным моментом является динамическая составляющая, плохо отображаемая в теоретических представлениях о концепте.

Мотив как таковой представляет собой обобщенную форму семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы. В центре семантической структуры мотива – собственно действие, своего рода предикат, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий повествования.

Взятый на уровне своего системного языкового статуса, мотив находится вне состава определенных повествований и тем более текстов. Поэтому говорить о том или ином мотиве как о непосредственной составляющей конкретного повествования так же некорректно, как говорить о лексеме (обобщенной лексической единице) в составе конкретного в своих словоупотреблениях высказывания.

В повествовании мотив облекается в плоть фабульного действия и сопрягается с системой персонажей, что и выражается в формировании события как такового. Именно событие является реализацией мотива в повествовании.

Таким образом, мотив через его варианты репрезентирован в повествовании посредством события. Как таковой, мотив находится как бы «за фабулой» и соотносится с ней в плане семантики и синтактики события. Так же и с сюжетом: мотив соотносится с ним не прямым образом, не как часть соотносима с целым, – мотив соотносим с сюжетом в плане прагматики события, т. е. в плане того конкретного смысла и интенции, которые событие обретает в сюжете.

Лингвистическая прагматика понимает под интенцией коммуникативную задачу, решаемую участниками коммуникации в процессе общения. Интенция – это цель, ради которой и производится высказывание или реплика в диалоге. Сюжетная интенция события, построенного на определенной мотивной основе, носит эстетический характер.

Под эстетическим целым героя мы вслед за М. М. Бахтиным понимаем совокупность ценностных смыслов, которые оцеляют литературный персонаж и поднимают его до уровня героя, ценностно завершённого и отвечающего эстетическим запросам эпохи [Бахтин, 1979, с. 121]. Эти ценностные смыслы формируются в результате осмысления персонажа в его фабульно значимых действиях и обстоятельствах как деятеля – в его сюжетно значимых поступках и ситуациях.

Таким образом, сюжетная интенция отвечает на вопрос: зачем фабула сообщает нам о том или ином событии – с точки зрения развития эстетического целого своего героя.

Все сказанное имеет прямое отношение к эстетической природе самого мотива. Включение мотива в его событийных реализациях в сферу сюжетных смыслов и интенций обуславливает в итоге и собственную эстетическую значимость мотива.

Для понятий мотива, сюжета, а также образа существует обобщающее или, точнее, собирающее понятие мифологема, активно используемое в фольклористике, литературоведении, лингвокультурологии и культурной антропологии. Мифологема в пределе соприкасается с архетипом. Оба термина введены К. Г. Юнгом (термин «мифологема» совместно с К. Кереньи), ср. [Юнг, 1991; 1996] и др. В отечественной фольклористике и литературоведении категории мифологема и архетипа были существенно специализированы Е. М. Мелетинским [1994; 1995], В. И. Тюпой [2002], Ю. В. Шатиным [2015] и др.

Таким образом, и культурный концепт в лингвистике, и культурный код в обрядовом фольклоре, и мотив, образ, сюжет в повествовательном фольклоре и художественной литературе могут быть соотнесены с мифологемой и архетипом. В настоящей статье мы не ставили задачи полной адаптации теории архетипа К. Г. Юнга к понятийной области культурной универсалии, поскольку эта теория имеет психологические основания и строгий набор основных архетипов. Мы, скорее, воспользуемся заложенным в понятиях мифологема и архетипа эвристическим потенциалом.

Мифологема как культурная универсалия может быть представлена в виде инвариантного семантического конструкта, имеющего потенциально бесконечное множество реализаций, т. е. обладающего воспроизводимостью, что делает мифологему представимой в терминах инструментального понимания культуры. С другой стороны, соотношение идеального содержания мифологема с вербальными репрезентациями демонстрирует ее важную семиотическую природу, позволяющую применять это понятие для описания феноменов вербальной практики и вербальной культуры. И, наконец, содержание мифологема носит потенциально

динамический, событийный характер, что позволяет применять ее для интерпретации текстов фольклора и литературы.

Таким образом, мифологема может быть представлена как некоторое соответствие идеального содержания и его репрезентации в мире человека. Для нас, помимо всего прочего, важной задачей становится выявление специфики мифологема в сибирском тексте. Эта проблема, в частности, была поставлена в статье В. И. Тюпы «Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы» [2002]. В ней автор подробно развернул мифологему Сибири как страны мёртвых с неизбежными атрибутами холода, зимы, ночной темноты. Попадая в текст, такая мифологема прямым образом влияет на плотность семиотических границ. Чем больше тот или иной текст тяготеет к промежуточным жанрам (термин Л. Я. Гинзбург), таким как дневник, письмо или мемуары, тем менее плотной оказывается семиотическая граница, и, напротив, чем меньше материал связывается с документируемой реальностью, тем более плотной становится граница. Именно благодаря этому указанные В. И. Тюпой атрибуты образуют лиминальное пространство, ведущее либо к гибели героя, либо к его трансформации (преображению). На конкретных примерах поэмы Рылеева «Войнаровский», «Послания в Сибирь» Пушкина, «Русских женщин» Некрасова исследователю удалось с большой долей полноты реконструировать архесюжет сибирского текста русской литературы.

В связи с этим открываются новые параметры в изучении связей мифопоэтики с сюжетами и жанрами, характеризующими эволюцию сибирского текста. Здесь, на наш взгляд, особенно интересным оказывается обращение к анализу различных форм эстетической типизации (трагического, комического, героического, идиллического и т. п.) и их влияния на проблемы текстообразования. Не менее интересно проследить, как изменяется мифопоэтика в зависимости от смены литературных направлений, насколько велика ее роль в эпоху романтизма, реализма, символизма или постмодернизма. Полученная картина позволит решить вопрос, насколько самобытным выступает в разных контекстах сибирский свертхтекст литературы в сравнении с общероссийскими тенденциями.

Исходя из обозначенных выше посылок, нами составлен рабочий перечень универсалий, организованный по принципу соответствия общечеловеческим представлениям об организации мира. Перечень разделен по принципу выделения зоны отражаемых представлений о мире – зоны идеального (см. прилож. 1) и зоны предметов, событий и атрибутов мира, которые могут быть выразителями этих идей (см. прилож. 2). Зона «идеального» представлена небольшим, но подверженным расширению списком понятийно-ценностных рядов, организованных в основном как бинарные или, реже, тернарные оппозиции. Особенностью этих рядов является то, что их члены имеют не только понятийное, т. е. представимое вербально-аналитически, но и ценностное, сопряженное с системой оценок и значимостей той или иной культуры, содержание. В этом мы согласны с Г. П. Выжлецовым, который настаивает на том, что при исследовании универсалий надо иметь в виду аксиологическую составляющую, ибо «именно ценности отделяют человеческую жизнь от биологического существования, а сознание своего отличия от окружающего мира реализуется в ценностях в виде целей и идеалов этой жизни» [Выжлецов, 2000].

Зона «материального мира» представлена списком «культурных кодов» и их конкретных реализаций, который также может быть продолжен. Как уже говорилось, понятие культурного кода связано с идеями С. М. Толстой [1988], но в на-

учном обращении функционирует и представление об этом понятии В. В. Красных [2001], которая предлагает включить в состав культурных кодов духовный код. Этой точкой зрения руководствуется в своем исследовании Н. Р. Ойноткинова [2012]. Мы выводим духовный код из списка культурных кодов, поскольку, с нашей точки зрения, он лишен «кодирующей» составляющей, т. е. относится к «плану содержания» культурных универсалий.

Культурные коды в фольклоре народов Сибири получили основательное изучение начиная с монографического исследования и статьи Н. Р. Ойноткиновой [2012; 2016]; ср. также исследования [Юша, 2018; 2019].

На материале паремий алтайцев Н. Р. Ойноткинова провела анализ образных средств, объективируемых алтайскими пословицами и поговорками и выявила следующие культурные коды, реализуемые в алтайской паремике: антропный (собственно человеческий), биоморфный, природный (геоморфный), артефактный, соматический, числовой, временной, хтонический и духовный² [Ойноткинова, 2012, с. 123–124]. В паремиях сохранились черты древних тотемистических воззрений алтайцев, прослеживаемые в биоморфном коде, доминирующем по количеству репрезентантов в паремической картине мира. Здесь образно осмысливаются повадки животных или птиц как эталонные при сравнении с поведением человека и привлекаются для характеристики морально-нравственных качеств людей. Немаловажную роль в поэтике алтайских пословиц и поговорок играет соматический код. Символьные представления носителей языка о частях тела легли в основу метонимий и перифраз. Числовой код, представленный количественными словами, участвует в создании гипербол и литот. Эпитеты, отражающие символику цвета, преимущественно показывают их ахроматичность: доминируют белый и черный цвета [Ойноткинова, 2012, с. 278–279].

Исследование обрядового фольклора тюрков Сибири также показало встроенность в него и активное функционирование культурных кодов. Так, в статье «Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев» Н. Р. Ойноткинова акцентировала внимание на семиотическом аспекте обряда, который предстает как текст, создаваемый особыми знаковыми подсистемами – кодами: персонажным (участники обряда), предметным (предметы, используемые в обряде), акциональным (ритуальные действия), вербальным (речевые акты и поэтические тексты в обряде). Объектами семиотического кодирования в ритуале становятся место и время проведения обряда, функциональная роль как предметов, так и участников обряда, совершающих определенные действия [Ойноткинова, 2016, с. 7].

В обрядовой культуре тувинцев Китая, России, Монголии Ж. М. Юша выявила и подробно проанализировала двенадцать культурных кодов, особо значимых для общетувинской традиции, объединенных внутренней семантикой и структурой, обладающих определенным содержанием: вербальный, акциональный, персонажный, временной, пищевой, игровой, цветовой, музыкальный, предметный, числовой, пространственный, звуковой. Установлено, что каждый культурный код в ходе ритуала выполняет свои собственные ему цели и в то же время взаимодействует и с другими элементами, между которыми существует тесная связь. Перечисленные культурные коды играют большую роль в структуре календарных (встреча Нового года по лунному календарю, освящение обо) и семейно-бытовых

² Как уже отмечалось, мы выводим духовный код из состава культурных кодов как репрезентантов идеального плана мифологем.

(пиршество при рождении ребенка, первая стрижка волос ребенка, свадебная обрядность) ритуалов. Каждый обряд, независимо от того, календарный он или семейно-бытовой, состоит из последовательно связанных этапов, имеющих свою семантику, прагматику и продолжительность во времени, так как в народной традиции ритуал есть единый обрядовый акт, или текст.

Именно выполнение основных характеристик каждого культурного кода задается обрядовой традицией тувинцев, которая подразумевает действенность магической силы при условии соблюдения всех предписаний обряда. Определено, что общей чертой культурных кодов в тувинской обрядовой традиции является их единый мифологический контекст, в котором отражаются традиционная мифология, комплекс представлений о благополучии человека, поверья и запреты, элементы хозяйственной деятельности, жизненно важные для носителей традиции ценности [Юша, 2018, с. 124–156].

Следуя разработанной схеме культурных кодов в тувинской традиции, Ж. М. Юша применила этот же подход и для общего описания обрядовой культуры тюркских народов. Выявлено, что в ритуальной традиции тюркских народов имеется общий культурный текст, который состоит из одинаковых элементов (двенадцати культурных кодов), имеющих устойчивые сходства и параллели. Их совпадение свидетельствует о многовековых культурно-исторических контактах, общности духовной и материальной культуры, единства мифологических представлений, которые проявляются в языке и обрядовой культуре [Юша, 2019, с. 794–800].

Понятие культурного кода чрезвычайно плодотворно для идеографической лексикографии [Славянские древности, 1995; 1999; 2004; 2009; 2012; Гудков, Ковшова, 2007].

Мифологему можно представить как некоторую идею – элемент или комбинацию элементов понятийного ряда, символизируемых единицами «материального мира». В этом случае все пространство мифологем можно представить как трехмерную матрицу, в которой одно измерение задается понятийно-ценностными рядами, второе – понятиями, образующими «культурные коды», а третье – формами вербальной культуры. Применительно к конкретной вербальной культуре или даже всему комплексу вербальных культур Сибири и Дальнего Востока возможны лакуны, многие поля этой матрицы могут оказаться не заполненными. В вербальной культуре конкретного этноса возможно отсутствие какого-либо из понятийных рядов или неразвитость культурного кода или его отдельных реализаций.

Итак, на базе представлений о культурных универсалиях, сложившихся в филологических науках, нами было сформировано общетеоретическое представление об организации культурного содержания в рамках трех взаимосвязанных дисциплин: лингвистики (понятие культурного концепта), литературоведения (понятия мотива и сюжета), фольклористики (понятие культурного кода). Было определено, что объединяющей категорией является понятие мифологемы (и близкое понятие архетипа), заключающее в себе идею соединения плана выражения и плана содержания, важную для вербальных практик, и соотносимое с понятиями концепта, культурного кода и мотива / сюжета.

Список литературы

Балли Ш. Импрессионизм и грамматика // Балли Ш. Язык и жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 186–199.

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с. (Язык. Семиотика. Культура)
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
- Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры в системе культурфилософского знания // Вестник Новгород. гос. ун-та. 2000. № 16. URL: [http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/\\$file/Выжл.pdf](http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/$file/Выжл.pdf) (дата обращения 19.04.2020).
- Гудков Д. Б., Ковишова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
- Демьянков В. З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
- Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В., Осетрова Е. В., Суховольский В. Г.* Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. 408 с.
- Красных В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.
- Кребер А. П.* Избранное: природа культуры: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.
- Кребер А. П., Клакхон К.* Культура: критический обзор понятий и определений // Культурология. Дайджест / РАН ИНИОН. М., 2000. С. 105–183.
- Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксперимент. изд. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.
- Логический анализ языка: Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 204 с.
- Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1994. 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4)
- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Языки русской культуры, 1995. 406 с.
- Мёрдок Дж. П.* Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 49–57.
- Мёрдок Дж. П.* Общий знаменатель культур // Вестник культурологии. 2005. № 1. С. 202–226.
- Морозова С. В., Оржековская Л. В., Якушкина Н. В. и др.* Культурология: Учеб. пособие для студентов всех специальностей / Под ред. С. М. Прокопьева; Моск. гос. ун-т печати. М., 2010. Ч. 1. 248 с.
- Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. 5: Языковые универсалии. 300 с.
- Ойроткинова Н. Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск, 2012. 354 с.
- Ойроткинова Н. Р.* Культурно-семиотические коды календарной обрядности южных алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 5–18.
- Рождественский Ю. В.* Введение в общую филологию. М.: Высш. шк., 1979. 224 с.
- Силантьев В. И.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1: А–Г. 584 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д–К. 702 с.

- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К–П. 704 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: Переправа через воду – Сито. 656 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). 736 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Толстая С. М. О семантическом единстве обряда // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды. М., 1988. С. 146–148.
- Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
- Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд. М.: Индрик, 1995. 512 с.
- Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс-2'96. Новосибирск, 1996. С. 52–55.
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- Тюпа В. И., Ромодановская Е. К. Словарь мотивов как научная проблема // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. От сюжета к мотиву. Новосибирск, 1996. С. 3–15.
- Ухов П. Д. Типические места (*loci communes*) как средство паспортизации былин // Русский фольклор: материалы и исследования / Редкол.: А. М. Астахова, М. О. Скрипиль (отв. ред.). М.; Л., 1957. Т. 2. С. 129–154.
- Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. М.: Языки славянской культуры, 2015. 344 с. (Серия: Коммуникативные стратегии культуры)
- Юнг К. Г. Архетип и символ: Пер. с нем. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.
- Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов: Пер. с англ. Киев: Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. 384 с.
- Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика, Прагматика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 400 с.
- Юша Ж. М. Культурные коды в ритуальной традиции тюркских народов // Материалы международного IV Форума гуманитарных наук «Великая степь. Тюркская цивилизация: от истоков к современности». Нур-Султан, 2019. С. 794–800.

References

- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1979, 423 p.
- Bally Ch. Impressionizm i grammatika [Impressionism and grammar]. In: Bally Ch. *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Moscow, Editorial URSS, 2003, pp. 186–199.
- Demyankov V. Z. Ponyatiye i kontsept v khudozhestvennoy literature i nauchnom yazyke [Notion and concept in literature and scientific language]. *Voprosy filologii*. 2001, no. 1, pp. 35–47.
- Ermaikov S. V., Kim I. E., Mikhaylova T. V., Osetrova E. V., Sukhovol'skiy V. G. *Vlast' v russkoy yazykovoy i etnicheskoy kartine mira* [Power in the Russian language and ethnic picture of the world]. Moscow, Znak, 2004, 408 p.

Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The body code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis, 2007, 285 p.

Jung C. G. *Dusha i mif: shest' arkhetyпов: Per. s angl.* [Soul and myth: six archetypes: transl. from English]. Kiev, Gos. biblioteka Ukrainy dlya yunoshchestva, 1996, 384 p.

Jung C. G. *Arkhetip i simbol: Per. s nem.* [Archetype and symbol: transl. from German]. Moscow, Renessans, 1991, 297 p.

Krasnykh V. V. Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of culture (invitation to talk)]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKS Press, 2001, iss. 19, pp. 5–19.

Kroeber A. p. Izbrannoye: priroda kul'tury: *Per. s angl.* [Selected papers: the nature of culture: transl. from English]. Moscow, ROSSPEN, 2004.

Kreber A. P., Klakkhon K. Kul'tura: kriticheskiy obzor ponyatiy i opredeleniy [Culture: a critical review of concepts and definitions]. In: *Kul'turologiya. Daydzhest [Culturology. Digest]*. RAN INION. Moscow, 2000, pp. 105–183.

Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Eksperiment. izd.* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakas, Shors, Yakuts): Experimental ed.]. IPhl SB RAS. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 1383 p.

Logicheskiy analiz yazyka: *Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language: Cultural concepts]. N. D. Arutyunova (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1991, 204 p.

Meletinsky E. M. *O literaturnykh arkhetypakh* [On literary archetypes]. RSUH. Moscow, 1994, 136 p. (Chteniya po istorii i teorii kul'tury. Vyp. 4 [Readings on history and theory of culture. Iss. 4])

Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, LRC Publishing House, 1995, 406 p.

Morozova S. V., Orzhekovskaya L. V., Yakushkina N. V. i dr. *Kul'turologiya: Ucheb. posobie dlya studentov vseh spetsial'nostey. Ch. 1* [Kulturology: Textbook for students of all specialties. Pt. 1]. S. M. Prokop'ev (Ed.). Moscow, MSUPA, 2010, 248 p.

Murdock G. P. Fundamental'nye kharakteristiki kul'tury [Fundamental characteristics of culture]. In: *Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1: Interpretatsiya kul'tury* [Anthology of cultural studies. Vol. 1: Interpretation of culture]. St. Petersburg, Univ. kniga, 1997, pp. 49–57.

Murdock G. P. Obshchiy znamenatel' kul'tur [The common denominator of cultures]. *Vestnik kul'turologii*. 2005, no. 1, pp. 202–226.

Novoye v lingvistike. Vyp. 5: Yazykovye universalii [New in linguistics. Iss. 5: Language universals]. Moscow, Progress, 1970, 300 p.

Oynotkinova N. R. *Altayskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov* [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres.] Novosibirsk, 2012, 354 p.

Oynotkinova N. R. Kul'turno-semioticheskie kody kalendarnoy obryadnosti yuzhnykh altaytsev [Cultural and semiotic codes of Southern Altai calendar rites]. *Siberian Journal of Philology*. 2016, no. 4, pp. 5–18.

Rozhdestvenskiy Yu. V. *Vvedenie v obshchuyu filologiyu* [Introduction to general philology]. Moscow, Vyssh. shk., 1979, 224 p.

Shatin Yu. V. *Russkaya literatura v zerkale semiotiki* [Russian literature in the mirror of semiotics]. Moscow, LRC Publishing House, 2015, 344 p. (Seriya: Kommunikativnye strategii kul'tury [Series: Communication strategies of culture])

Silantev V. I. *Poetika motiva* [Poetics of a motif]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 296 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': V 5 t. T. 1: A–G [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 1: A–G]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, 584 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': V 5 t. T. 2: D–K [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 2: D–K]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, 702 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': V 5 t. T. 3: K–P [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 3: K–P]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 704 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': V 5 t. T. 4: Pereprava cherez vodu – Sito [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 4: Crossing the water – Sieve]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, 656 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': V 5 t. T. 5: S (Skazka) – Ya (Yashche-ritsa) [Slavic antiquities: an Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 5: S (Fairy tale) – Ya (Lizard)]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012, 736 p.

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskij proekt, 2004, 992 p.

Tolstoy N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. 2nd ed. Moscow, Indrik, 1995, 512 p.

Tolstaya S. M. *Obraz mira v tekste i rituale* [Image of the world in the text and ritual]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015, 528 p.

Tolstaya S. M. O semanticheskom edinstve obryada [On the semantic unity of the rite]. In: *Fol'klor: problemy sokhraneniya, izucheniya, propagandy* [Folklore: problems of preservation, study, propaganda]. Moscow, 1988, pp. 146–148.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o sibirskom tekste russkoy literatury [Siberian Mythologeme: to the question of the Siberian text of Russian literature]. *Siberian Journal of Philology*. 2002, no. 1, pp. 27–35

Tyupa V. I., Romodanovskaya E. K. Slovar' motivov kak nauchnaya problema [Dictionary of motives as a scientific problem]. In: *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury. Ot syuzheta k motivu* [Materials for the dictionary of stories and motives of Russian literature. From one story to the motive]. Novosibirsk, 1996, pp. 3–15.

Tyupa V. I. Tezisy k proyektu slovarya motivov [Theses to the project of the dictionary of motives]. In: *Diskurs-2'96* [Discourse-2'96]. Novosibirsk, 1996, pp. 52–55.

Ukhov P. D. Tipicheskiye mesta (loci communes) kak sredstvo pasportizatsii bylin [Typical places (loci communes) as a means of scientific fixation of Russian epics]. In: *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya. T. 2* [Russian folklore: materials and research. Vol. 2]. A. M. Astakhova, M. O. Skripil' (Eds). Moscow, Leningrad, 1957, pp. 129–154.

Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics] Moscow, Vyssh. shk., 1989, 404 p.

Vyzhletsov G. P. Aksiologiya kul'tury v sisteme kul'turfilosofskogo znaniya [Axiology of culture in the system of cultural and philosophical knowledge]. *Vestnik NovSU*. 2000, no. 16. URL: [http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/\\$file/Vyzhl.pdf](http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/$file/Vyzhl.pdf) (accessed: 19.04.2020)

Wierzbicka A. *Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow, LRC Publishing House, 2011, 568 p. (Yazyk. Semiotika. Kul'tura [Language. Semiotics. Culture])

Yusha Zh. M. *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale 21 veka. Struktura. Semantika, Pragmatika* [Folklore and rite of Tuvans of China at the beginning of the 21st century. Structure. Semantics and Pragmatics]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2018, 400 p.

Yusha Zh. M. Kul'turnyye kody v ritual'noy traditsii tyurkskikh narodov [Cultural codes in the ritual tradition of the Turkic peoples]. In: *Materialy mezhdunarodnogo 4 Foruma gumanitarnykh nauk "Velikaya step". Tyurkskaya tsivilizatsiya: ot istokov k sovremennosti* [Materials of the International 4th Forum of Humanities "Great Steppe. Turkic civilization: from origins to modernity"]. Nur-Sultan, 2019, pp. 794–800.

Приложение 1

Перечень культурных универсалий: понятийные ряды

Appendix 1

List of cultural universals: conceptual series

1. Богатство / (достаток) / бедность
2. Вера / (сомнение) / неверие
3. Власть / подчинение (исполнение)
4. Дискретность / непрерывность
5. Добро / зло
6. Душевные и социальные качества человека (ум / глупость, сила / слабость, смелость / трусость, трудолюбие / лень и др.)
7. Жизнь / смерть (бытие / небытие)
8. Запрет / разрешение
9. Здоровье / болезнь
10. Знание / незнание
11. Красота / уродство
12. Любовь / ненависть
13. Порядок / беспорядок
14. Правда (истина) / ложь
15. Правильное / неправильное
16. Право / обязанность
17. Радость / горе
18. Сакральное / профанное (высокое / низкое)
19. Свобода / несвобода
20. Слава / позор
21. Сопричастность / чуждость (свое / чужое)
22. Статика / динамика
23. Стыд (совесть) / бесстыдство

24. Счастье / несчастье
25. Удача / неудача
26. Удовольствие / страдание
27. Хорошо / плохо
28. Чистота / грязь

Приложение 2

Перечень культурных кодов и их типовых реализаций*

Appendix 2

List of cultural codes and their typical implementations

№ п/п	Наименование кода	Примеры реализации кода
1	Пространственный	Родина, чужбина, вражеская земля, верхний, средний, нижний миры, сакральный топос, стороны света, пространство инобытия, пространство человеческого бытия, пространство обитания духов и божеств, горизонталь, вертикаль, лево – право, дом, жилище, лес, дремучий бор, поле, ущелье и др.
2	Темпоральный	Годичный цикл, календарь, суточное время, обрядовое время, время первотворения, время жизни человека и др.
3	Космонимический	Небесные объекты: Солнце, радуга, северное сияние, Луна, звезды, Млечный путь, затмение солнца, затмение луны и др.
4	Природный	Стихии природы: огонь, вода (в том числе ливень, дождь), земля, воздух (в том числе ветер, ураган)
5	Минералогический	Природные минералы и металл (золото, серебро, медь), камень и др.
6	Фитонимический	Растения, характерные / нехарактерные для данного ареала и получившие образное воплощение в национальной культуре (ядовитые, съедобные, применяемые в знахарской практике), их названия, свойства, метафорические наименования растений (мать-и-мачеха) и др.
7	Зоонимический	Животные, характерные / нехарактерные для данного ареала и получившие образное воплощение в национальной культуре (звери, птицы, рыбы, насекомые, черви), их функциональные роли, свойства шкуры, зубов, когтей, шерсти и др.

* В колонке «Примеры реализации кода» представлены семантически нагруженные явления и объекты, реализующие культурные коды в фольклорных текстах и обрядовой практике народов Сибири и Дальнего Востока.

№ п/п	Наименование кода	Примеры реализации кода
8	Персонажный	Типы культурных героев (трикстер, конкистадор и др.), божество, дух, хтонические существа, человек, зверь и др., активно действующие герои повествования и второстепенные персонажи
9	Акциональный	Сотворение, созидание, разрушение, почитание, пренебрежение и т. д. – культурно значимые, нагруженные символическим смыслом действия
10	Вербальный	Прозаическая речь, рифмованная речь, ритмизованная речь, вербальные заклинания, устойчивые выражения, табуированная лексика, молитва, реплики, возгласы, восклицания участников и др.
11	Психосоматический	Эмоциональные состояния и их проявления (радость, счастье, тоска, горе, смех, слезы, гнев и др.), пограничные состояния (сон, транс и др.), рождение, смерть, тело, телесные проявления (болезнь, исцеление) и др.
12	Музыкальный / звуковой	Интонируемая речь, пение, исполнение мелодии на музыкальном инструменте, речитатив, сказительская практика, особенности интонирования, мелодии, песни, стук, грохот, выкрики, молчание и др.
13	Социальный	Семья, внутрисемейные отношения, термины родства, семейные роли, иерархия семейных ролей, инициация, кровное родство, родство по браку, вертикальная линия родства, горизонтальная линия родства, предбрачные испытания, сватовство, брак, свадьба, брачные отношения, соперник, соперница. Общественная иерархия, общественные роли (глава, шаман, воин, богатый владелец стада и т. д., хозяин – работник и др.)
14	Пищевой	Ритуальная еда, пищевые запреты и др.
15	Артефактный	Предметы, созданные человеком, – орудия труда, музыкальные инструменты, ритуальные предметы, одежда, оружие, игрушки, волшебные предметы и др.
16	Цветовой	Сегменты цветового спектра, имеющие символическое значение для той или иной национальной культуры
17	Числовой	Символика чисел, сакральное число, четный – нечетный и др.

Сведения об авторах

Дампилова Людмила Санжибоевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая Лабораторией вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

dampilova_luda@rambler.ru
ORCID 0000-0003-0917-5432
WoS ID U-3608-2019

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

silantev@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-1399-8960
WoS ID S-7121-2016

Кузьмина Евгения Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

Ким Игорь Ефимович – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

kim@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-5571-4719
WoS ID S-1351-2016

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

i.shatin@g.nsu.ru
ORCID 0000-0002-2725-2836

Information about the authors

Lyudmila S. Dampilova – Doctor of Philology, Assistant Professor, Head of the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

dampilova_luda@rambler.ru
ORCID 0000-0003-0917-5432
WoS ID U-3608-2019

Igor V. Silantev – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

silantev@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-1399-8960
WoS ID S-7121-2016

Evgeniya N. Kuzmina – Doctor of Philology, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

Igor E. Kim – Doctor of Philology, Assistant Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

kim@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-5571-4719
WoS ID S-1351-2016

Yuri V. Shatin – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher at the Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

i.shatin@g.nsu.ru
ORCID 0000-0002-2725-2836